

Циля Соломоновна Эстис (Чухович)

Мои ученики меня спрашивали: «А вы воевали?», а я отвечаю, что когда началась война мне было 8 лет - в этом возрасте на войну не брали.

Я отработала в школе 46 лет. Из них 43 года в Ташкенте. Родилась я в Одессе, когда мы эвакуировались из Одессы, мне было 8 лет.

Все дело в том, что воспоминания о том возрасте, когда мне пять, шесть лет у меня какие-то отрывистые. Я помню случай, мне было пять лет, мы с папой ходили на елку и там я стихи читала, и за каждое выступление давали подарок. И вот мы несем такой большой мешок с подарками, идем такие счастливые. И следующее воспоминание о папе у меня осталось, когда война началась и он нас перевез на ту территорию, где был его завод в Одессе. Война началась – бомбежки и так далее.

И вот он уже ушел в армию и отпросился повидаться с семьей. Ну, естественно, обритый, и вот он идет, и я его не узнала, я испугалась, он в форме военной. Он кричит : «Доченька!» , а я от него бегу! Он меня поймал и я увидела, что это папа. И больше я папу не видела. Никогда. А война для меня началась в 41-м году, вот буквально в первый день. Мы в этот день были в Славинске. Это город на Донбассе.

Дело в том, что брат моей мамы, он закончил институт в Одессе, и его поставили туда на работу. И вот мы поехали к нему в гости, еще войны не было. И тут началась война. Он решил нас тут же отправить домой в Одессу. Вот это первое воспоминание, которое так врезалась мне в память и очень часто мне снится все, что произошло в эти дни, потому как мы едем и началась бомбежка. По тому составу поезда, в котором мы ехали. Поезд остановился. Мама моя молодая женщина и двое детей – брат мой 4 года и я 8 лет. Мы все бросились в степь, в поле. в пшеницу. А, нет, мы сначала под поезд залезли, под вагоны от страха. А солдаты стали нас оттуда вытаскивать и закидывать в пшеницу. Там в какой-то вагон попала бомба, пожар начался, какие-то вагоны отцепили. В общем, ужас! Особенно для детского восприятия. Вот это первое воспоминание о войне, та первая бомбежка, под которую мы попали, и она мне очень часто снится сейчас.

Ну вот мы приехали в Одессу. Что я помню из своего одесского детства? Потому что потом мы поехали в эвакуацию. Ну, во-первых, была катастрофа с водой, там попала бомба или еще что в это водохранилище и в водопроводе воды не стало. И машинами развозили воду по улицам. Вот мы стояли в очереди, с бидончиками, с кружками, в общем, кто с чем.

Мы были идиотами. С одной стороны – страшно, с другой – что-то новое появилось. И поэтому, когда начиналась бомбежка, мы под ворота своего дома, а потом, когда бомбежка кончалась, бегали по улицам и собирали осколки. И каждый хвастался перед другими, сколько у него в мешке вот этих осколков. Ну, восемь лет! Вот это я очень хорошо помню. Потом я помню, как недалеко от нас был театр оперетты, и попала туда бомба. Асфальтовая дорога и по этой дороге метет простыни какие-то и подушки, и перья, и где-то человеческая рука и так далее. И мы кричим все... ну, страшно. Я знаю, что моя мама не хотела эвакуироваться, она говорила: «куда я поеду с двумя детьми?» А отца первый раз ранило под Одессой, и он пришел и сказал: «Уезжайте немедленно!», и мы уехали за три дня до взятия города. На теплоходе. Я помню, что было три теплохода «Армения», «Грузия», «Абхазия», по-моему так. Когда мы плыли по Черному морю, в один из этих теплоходов попала бомба. И оттуда стали сгружать людей на лодках на другие два теплохода. Ну вот это все одесские воспоминания.

Дело не в том, что про немцев мало что знали. Ведь когда была гражданская война, немцы заходили на Украину, и они вежливо обходились с людьми. У людей осталось представление, что немцы – это культурная нация, что немцы никому ничего не сделают. Одна мамина сестра была замужем за немцем и у них было шесть детей – они жили не в самой Одессе, а под ней. Когда вот это все началось и надо было эвакуироваться и так далее, она сказала «Мы никуда не поедem, у меня муж – немец, мои дети наполовину немцы, нам вообще бояться нечего». Всех убили – наполовину немцев, и закопали вместе со всеми. Я про их отца не знаю, но ее и ее детей – всех. А он может быть в армии был, я не помню, маленькая была – восемь лет, только про нее и детей знаю, что всех убили. В общей яме. Как немцы пришли, какое-то время прошло, потом они стали сгонять в гетто, потом стали стрелять и все прочее.

Мы на этом теплоходе доехали до города Новороссийска. В Новороссийске нас погрузили в эшелоны, они были для скота или для чего-то, во всяком случае, они не были вагоны с купе, где полки. И все были на полу. Товарный вагон. И от Новороссийска до Алма-Аты нас везли два месяца. Очень часто поезд останавливался где-то посреди степи, потому что в это время гнали эшелоны на фронт, освобожали эту ветку железной дороги. Отводили на запасной путь, да даже просто в степи, и мы там стояли часами. Никто не знал, сколько мы там стоим. И все в степь бежали – туалетов-то не было. В этом поезде мы все лежали вповалку.

Когда кушали, когда не кушали.. Когда-то на полустанках что-то покупали, когда поезд останавливался. На больших станциях иногда подвозили какое-то варено. Вот это я плохо помню, как мы еду брали – восемь лет всего было. Вот и все вплотную были и я помню, одна бабушка была, и она говорит, «боже мой, сколько ног, со всех сторон ноги и все ноги ко мне». Она так лежали, и все ноги были к ней. Вот это я запомнила. И вот так нас везли два месяца и сгрузили на Алма-Атинском вокзале. Все были

завшивленные, грязные, голодные. И вот там в Алма-Ате нас впервые угостили Алма-Атинскими яблоками «Апорт». Вот такие и пахучие такие! До сих пор у меня впечатление, что это лучшие яблоки на свете. Потому что других таких нет, замечательные яблоки. Несколько дней, я уж не помню, мы валялись на этом вокзале, и людей с этого вокзала развозили. По колхозам... никого в Алма-Ате не оставили.

Нас было шесть человек. Я, мама, мой брат и мамина сестра родная с двумя своими детьми - две женщины и четверо детей. Причем, мамина сестра была в положении, и ребенок у нее родился в феврале и никогда своего отца не видел. Нас тоже погрузили на грузовик, в кузов. Достаточно холодно уже было. И повезли, куда везут – никто ничего не знал. Нас определили в поселок Уголы Алма-Атинской области. Подъезжаем к этим Уголам, подъезжают казахи на конях, с такими вот тюрбанами. Подходят к грузовику и начинают нас оттуда сгружать. Начался такой дикий крик детей, потому что мы их страшно испугались. Мы никогда не видели таких людей. Вот до сих пор помню, как они нас тащат из грузовика, а мы за этот борт грузовика держимся, кричим, брыкаемся... вот не хотим и все, чтоб нас оттуда вытащили. Ну, вытащили, все равно вытащили, привезли в колхоз, куда-то поселили. В такие с земляным полом, не скажешь даже, что это дом, это землянки.

Мама пошла работать в колхоз. Мама моя по профессии – учитель математики. Стала работать в колхозе бухгалтером. А тетя моя никуда не пошла – она была в положении. А мы пошли учиться в колхозную школу. На русском языке нас учили. Причем, школа была в четырех километрах от нашего колхоза. Мы каждый день ходили четыре километра туда и обратно. Два года мы там жили. После уроков на нас надевали фартуки, мы не шли домой сразу, мы собирали колоски в эти фартуки. Была какая-то норма и мы ее сдавали.

Я больше машин, комбайнов не помню, помню, что оставались колоски, то, что упало, и мы их собирали. Сдавали свою норму и потом тащились домой. Вот я там два года училась и из этих двух лет я запомнила несколько эпизодов. Первый эпизод, что мы собирали колоски обязательно. И еще мы копали торф и сушили его.

Надо было выкопать, высушить и потом этим топили печку. Мы с братом моим двоюродным (он был на десять месяцев старше меня, был большой герой). Мне было 9, ему 10, и мы копали торф, сушили, потом собирали солому, ветки какие-то, чтоб топить. Но основное топливо был торф. И один ужасный случай мне запомнился из той нашей жизни. У одного мальчика отец то ли охотник, то ли что, вот это я уже не помню, но два мальчишки так встали. И один сказал: «Ты стреляй, а я буду ртом ловить пулю». И мы – умные детки, вокруг встали, и смотрим как он словит эту пулю. И самое страшное, что этот парень попал в него и размозжил ему все, и вот тут вот поднялся такой ор! Школа была четырехлетка. И тут крик поднялся, я думаю, ну как мы хоть чуть-чуть соображали? Ничего не

соображали. Я не знаю, какие там последствия, и что там дальше. Ну вот это мне запомнилось об Уголинской школе.

С питанием было чень плохо. И еще плохо было, что мамыны трудодни выдали пшеницей, немолотую, вот что хочешь, то с ней и делай. В ступке ее натолкли, что-то еще, ну и наступил какой-то момент, что мы, буквально, пухли с голоду. И если бы не мамаина двоюродная сестра, которая в это время жила во Фрунзе – это столица Киргизии, мы жили в Казахстане, а она в Киргизии. Если бы не она, то мы бы отдали богу душу. Как ей это удалось, я не знаю, но она нас вызвала к себе, и мы переехали во Фрунзе. И вот когда мы туда переехали и нам дали паек, (а паек был – 300 граммов хлеба), и тогда мы уже выжили. Босые, в плохой обуви, плохо одетые, голодные... вот так продолжалось наше детство уже во Фрунзе. Я помню, как моя мама говорила, что если мы наедемся хлеба, ничего не надо.

* * *

Жизнь продолжалась. К сожалению, у мамы на фронт ушло четыре брата – и все погибли и отец погиб. Короче, досталось моей маме вот так! Двое детей, нищие, голодные, но надо детей как-то растить. Тогда школы были, девочки – отдельно, мальчики отдельно, женская и мужская. И училась в этой школе только до седьмого класса. И в седьмом классе мне выдали как отличнице премию – отрез серого сатина. И мама мне из него сшила платье. И вот в этом платье я пошла поступать в педучилище. Из нашего класса, где я училась (я не помню, сколько у нас было учеников в классе, может 20 девочек), две или три девочки пошли в школу – в 8 классе надо было уже платить за учебу. Восьмой, девятый, десятый класс – была платная. А до седьмого – бесплатная. Я пошла в педучилище, а три моих подружки пошли в медучилище. Я не пошла с ними, потому что я крови боюсь.

День смерти Сталина тоже очень хорошо помню. Но это было - я уже училась в университете. После окончания педучилища, я получила диплом с отличием, я имела право (не отработывая) поступать в высшее учебное заведение. Но тут такой закон был, я не знаю, как потом, но 5% тех, кто кончал с отличием, имели право. Остальные должны были отработать какое-то время после педучилища, любого техникума, института. Тогда же не сам ты определялся, а тебя направляли на работу. Получали направление и по направлению – вперед. Ну вот я поступила в университет, там у нас была такая интересная комсомольская жизнь. Действительно были комсомольцы, действительно верили во все идеалы. День смерти Сталина очень хорошо запомнила – 5 марта. Мы все плакали. Был большой портрет у нас в вестибюле, возле него стояли в почетном карауле. Я там не стояла, ну люди, ребята наши стояли, всё... Очень, очень верили. Но и тогда были люди, которые не верили. И вот один мой очень добрый друг, я захожу в библиотеку, он один сидел, ну, в библиотеке. Я говорю: «Как так, Сталин умер», а он говорит: «Ну и что. Сталин умер, а жизнь-то идет. - Он на физфаке учился – У меня зачет по физике.» Все. Так мы, буквально,

несколько месяцев не разговаривали по этому поводу. «Как ты мог в день смерти Сталина?» - «Мог, спокойно» . Я считаю , я думаю так, что во всяком случае, что те люди, которых я знала, мои подружки и так далее, преобладающее большинство, в тот момент это для нас была ка-та-строфа.

Ну, вот впечатление было такое, что небо обрушилось и все. Сейчас жизнь остановится, не знаю, что-то случится.... Ну, что-то такое глобального масштаба. Событие. Но я хочу сказать, что вот эти вот иллюзии, что это что-то такое и так далее, они очень скоро развеялись, потому что как-то начала приоткрываться правда. Что, как было и так далее... Сталин - очень сложная, неоднозначная натура. Ну тут личность такая, с одной стороны эти ужасные репрессии, и вот то, что геноцид собственного народа. Да, когда говорят, Гитлер-то своих не уничтожал, а Сталин уничтожал. Да, это правда. То есть, он ужасный был.

Но, вместе с тем, вот при нем народ победил в войне, народ стал строить будущее. И люди постепенно начали жить лучшею. Но я хочу сказать, что вся моя молодость, это были годы очень сильной нужды, мы все были в основном, на 90 процентов нищие. В самом прямом смысле. Не средний класс, как говорят средний класс, нет, а самые настоящие нищие. Ну вот например, вчера разговаривала со своей подругой, которая до сих пор живет в Башкирии. Вот. Ее мама работала в нашей библиотеке. Представляете, какую зарплату получал библиотекарь? Мизерную. Библиотекари всегда мизерную зарплату получали.

Мы с этой моей подружкой, мы не могли пойти даже в столовую. Там обед на большой перемене. Вот ее мама устраивала нам такие обеды, то есть: черный хлеб, посыпала сахаром-песком и чай кипятила. И вот мы на большой перемене приходили, пили этот чай с куском хлеба – всё. Когда мы получали стипендию, мы могли позволить себе мороженное (смеется), ну еще что-то такое. Вот такая жизнь была.

Я приведу вам вот такой пример. (смеется) Анекдотичный. Мне просто не хочется печальных случаев рассказывать. Нас послали на уборку хлопка. Когда мы были студентами второго курса, нас послали очень надолго. Мы жили во Фрунзе, а послали нас в Ошскую область – это юг Киргизии. И мы там жили три месяца, то есть нас привезли домой 26 декабря. А уехали мы где-то 25 сентября.

Вместо учебы, конечно. Конечно, три месяца мы собирали хлопок. На филологическом факультете, в нашей группе ни одного мальчика не было, только девочки. На других факультетах были и мальчишки тоже. У одной

из наших девочек было такое, ну, более или менее приличное пальто. И вот, когда девочки выходили на свидание с кем-то, они надевали это пальто по очереди. И как-то парни нам сказали: «Слушайте, почему у вас у всех одинаковое пальто?» Кто-то был чуть выше, кто-то чуть ниже, но все мы были худенькие и вообще проблемы веса там... этих проблем не было. Не было этих проблем ни у кого. И мальчишки – вы что, в одном пальто? Да, мы вот в одном универмаге покупали и так далее и так далее. Ну это смешной случай. Но это показательный случай. Это показательный случай. Когда каждая девушка хочет выделиться вот у нее что-то такое... Вот это уровень нашей обеспеченности того времени. И очень редко у какой девушки было красивое платье, красивое пальто или еще что-то.

* * *

Всегда верили, что наша страна победит! До сих пор... я вот запомнила, когда началось наступление под Сталинградом, значит, было объявление по радио «Наши войска взяли город Калач». Калач! Это не Москва! Мы вылетели на улицу, детишки: «Ура! Ура! Наши взяли Калач!! Взяли Калач!» У всех в доме были вот эти карты: где, где он, этот Калач? Вот он. Наши взяли Калач! Даже мысли не было. Нет. Во всяком случае, из тех людей, что меня окружали... Нет, не сомневались. Все равно победим.

Очень хорошо помню первый День Победы. Опять-таки повторяю, у меня мама была очень сдержанным человеком. Она плакала на моих глазах два раза в жизни. Первый раз в День Победы (плачет). С ней была дикая истерика. Потому что все наши погибли. И в день смерти Сталина... Мама умерла у меня очень рано - в 46 лет. Я два раза видела, что она плачет.

А сомнений не было никаких. Мой отец, вот он начал войну, собственно, в первые дни. Причем, он работал в Одессе на военном заводе. И у него была броня, но он пошел добровольцем. И первое ранение у него было под Одессой. А потом шесть месяцев он был в Сталинградской битве. И там было второе ранение. А погиб он уже в начале сорок пятого года после битвы за Варшаву. То есть прошел вот такой большой путь, почти до конца. Так что сомнений не было никаких, что победят- не победят.

Отношение к немцам. Понимаете, как... ведь это доходило до взрослых людей. А я-то тогда была ребенком, до нас ни Эренбург, ничего этого не доходило. Мы знали очень хорошо вот стихи Симонова. Ведь он же написал, скажем «Жди меня и я вернусь...» 1941-42 год, мы были совсем детьми. И вот когда я во Фрунзе уже жила, там я училась начиная с 3-4го класса. Мы ходили в военный госпиталь. И я знала очень много, очень много стихов Симонова наизусть, и я читала вот этим солдатам, раненым... «Жди меня» и все прочие, широко распространенные его стихи. Сурков, Симонов и так далее. Вот эти поэты, они были на слуху. Эренбург, его мы знали как военного корреспондента, как публициста. Это не детская литература. В восемь-девять лет, это разве Эренбург? Нет, это надо быть более серьезным человеком.

Стихи, стихи наизусть мы знали и читали, в госпиталь ходили. Какой-нибудь солдатик кусочек сахара даст... вот. Там у нас во Фрунзе был госпиталь, так мы дети собирались перед окнами и солдатам что-нибудь пели, рассказывали, стихи какие-то. А они нам спускали на веревочке ну там, хлеба кусочек, ну голодные были дети.

Еще расскажу вам, я с моим двоюродным братом, который был на десять месяцев старше, уже, живя во Фрунзе, мы обеспечивали топливо для своей семьи. Каким образом? Мы лазили на деревья. Конечно трудно, глядя сейчас на меня, сказать, что я лазила по деревьям. Но очень хорошо лазила, по деревьям. Отпиливали сухие ветки, эти ветки собирали и это было у нас для того, чтобы разжечь. Покупали уголь, но чтобы его разжечь, нужны были какие-то дрова. На дрова денег, опять-таки не было. И вот мы были такими заготовщиками.

Вы знаете, как мы жили? Мы жили в ужасных условиях. В ужасных. Сейчас никто себе представить таких условий не может. Вот когда мы переехали во Фрунзе, маме дали комнату... была такая пристройка к школе. Мама пошла работать в школу. По специальности – учитель математики. И нам дали комнату в этой пристройке, там жило несколько учителей. Вот та комната, которую нам дали – это была бывшая туалетная, с разщербленным цементным полом. Двенадцать метров. Мы сначала в этой комнате жили всемером. Мама, ее сестра и нас было пятеро детей.

Тетя моя работала на суконной фабрике надомницей, потому что у нее был маленький ребенок. Она вязала носки для фронта. Вот это была ее работа. И в нашей семье все научились вязать эти носки, правда, кроме меня – я так и не научилась. И мой брат, вот этот старший, он вязал, как машина. Быстро-быстро он вязал. И вот я помню, когда я была в шестом классе, он из каких-то таких ниток мне связал кофту. И я в этой кофте посукала в педучилище и все годы, когда там училась, я ходила в этой кофте, которую он будучи десятилетним ребенком.

Интервью подготовлено учениками и учителями

Русской школы Грамота.

г. Монреаль, 2015 г.

